

Словно почувствовав исходившее от Ши Сюньлюя жгучее желание умереть, Юнь Тин слегка нахмурил изящные брови и наконец тяжело вздохнул. В его голосе проскользнула едва уловимая, неосознанная обида:

— Ты что, совсем не хочешь играть со мной?

Похоже на одинокого домашнего ребенка, который неожиданно получил желанную игрушку, но совершенно не знает, как с ней обращаться. Скрестив ноги, Юнь Тин уселся рядом с Ши Сюньлюем и ткнул его пальцем в грудь. Вышло как раз в свежую рану, заставив Ши Сюньлюя скривиться от боли и слабо пригрозить взглядом:

— Не издевайся над военнопленным...

Услышав это, Юнь Тин с узелком на сердце виновато отдернул руку и жалобно уставился на Ши Сюньлюя:

— Поиграй со мной.

Протяжные интонации, чистый звенящий хвостик фразы — словно зазубренный крючок, легонько царапнувший сердце Ши Сюньлюя. Его голос, тягучий и сладкий, как густой мед, тихонько капризничал:

— Ну пожалуйста?

У Ши Сюньлюя запульсировало в висках. Он внезапно поднял голову и серьезно спросил:

— Ты случайно не изучал Искусство войны Сунь Цзы?

Юнь Тин от скуки накручивал на палец кончик волос, опешив:

—?

Ши Сюньлюй прищурился, и его пыливый взгляд медленно скользнул по фигуре Юнь Тина:

— Иначе кто научил тебя пользоваться красотой как оружием?

Только голос затих, как Ши Сюньлюй, словно внезапно прозревший, мысленно перевернул в голове одну мысль:

Большинство участников испытания обладают культивацией от первого до девятого уровня Ци. Даже если база культивации Персикового лиса ясного месяца была подавлена до стадии

Основания Джиндан, пропасть между уровнями Ци и Основания никуда не делась. Если не брать хитростью или командной работой, одержать над ним победу крайне трудно.

Так какова же истинная цель старейшин секты Юйсянь, установивших это испытание? Проверить сообразительность новоприбывших учеников или их мужество сражаться рука об руку?

Неужели это действительно красота как оружие? Испытание стойкости Дао?

Только поняв глубокий смысл, заложенный создателями испытания, и пойдя по их мыслительному пути, можно распутать нынешнюю паутину проблем.

Брови Ши Сюньлюя едва не сошлись на переносице в тугой узел. Навыки сдачи экзаменов, привитые современным воспитанием, заставили его мысль устремиться в бесконечный полёт, заставив напрочь забыть об одной вещи:

Это экзамен, но вместе с тем — испытание, где не щадят жизни.

Юнь Тин долго мысленно крутил в голове значение фразы красота как оружие, но его практика Безжалостного Дао целиком опиралась лишь на инстинкты и природный дар, а читать книги он терпеть не мог. Смутно догадываясь, что это, пожалуй, какое-то не слишком хорошее слово, он недовольно надул губы:

— Никакая это не красота как оружие.

Он поднял руку, на ладони заструилась духовная энергия. Средний палец и большой соприкоснулись, аура вокруг него резко сжалась, и на ладони постепенно сформировался кинжал:

— Не хочешь — как хочешь. Тогда я им отправлю тебя в последний путь.

Его глаза были невероятно чистыми, точь-в-точь как у кротких и милых духовных кроликов с задней горы: распахнутые черные зрачки влажно блестели, как виноградины. В голосе звучала полнейшая беспечность, без малейшего намека на убийственный умысел. В каждом его движении сквозила невыразимая, непринужденная легкость, но действовал он при этом донельзя безжалостно. Не успели стиснуть слова, как лезвие уже вошло в живот Ши Сюньлюя. Шкала здоровья стремительно заполнилась до предела, а брызнувшая кровь забрызгала ему всё лицо.

— Тц, — Юнь Тин недовольно сморщился и мимоходом смахнул капли, бормоча под нос: — Какая пакость.

Ши Сюньлюй: «.....»

Он чувствовал, что сейчас умрет от боли.

Движения Юнь Тина были молниеносными: Ши Сюньлюй даже сообразить ничего не успел, как оказался ранен.

Боль от даньтяня расходилась по меридианам — казалось, там грызут плоть десятки тысяч муравьев, или будто огромный валун сорвался с заоблачной выси и со страшной силой врезался в живот, сдавив внутренности до предела. Всего за несколько мгновений эта жестокая пытка раз за разом терзала его нервы. Игольчатая боль едва не лишала сознания, но он стискивал зубы, не позволяя себе вырваться криком.

— Еще не умер? — Юнь Тин вытащил кинжал, оглядел Ши Сюньлюя и озадаченно захлопал большими глазами. Обращаясь к нему с заботливым видом, мысленно он подбадривал себя: — Прости-прости, я давай еще разок, постарайся умереть побыстрее.

Сто лет никого не убивал, совсем руки отвыкли.

Схватившись за живот, Ши Сюньлюй свернулся калачиком. Услышав это, он до крови раскусил спрятанную под языком духовную пиллюлю, тайком восполняя полоску здоровья, и ощутил полное экзистенциальное отчаяние:

Да откуда же взялась эта сладкая глупышка?!

Впервые видит того, кто перед убийством еще и извиняется!

Юнь Тин не слышал его внутреннего вопля и, погруженный в собственные дела, затаил дыхание. На кончиках его пальцев заструилась слабая духовная энергия, и кинжал в его руках начал стремительно обретать былую остроту, зловеще поблескивая на холодном свете. Узор из цветов зимней вишни на лезвие вспыхивал один за другим, слепя глаза.

Сжав рукоять кинжала и взмахнув широким рукавом, Юнь Тин приподнял уголки глаз и на этот раз не стал тратить слов. Его запястье решительно и прямо вонзилось Ши Сюньлюю в грудь.

После этого удара спасения не было.

Ши Сюньлюй широко раскрыл глаза, в упор уставившись на острие кинжала, словно стремясь выжечь фигуру противника в собственных легких. Однако он даже не успел бросить какую-нибудь пафосную угрозу вроде я и после смерти тебя не прощу, как это сияющее ослепительным блеском оружие в дюйме от его груди резко затормозило, словно наехав на тормоза, а затем обратилось в россыпь персиковых лепестков и с легким хлопком дымкой растаяло прямо в воздухе.

— М? — Юнь Тин растерянно встретился взглядом с Ши Сюньлюем, недоуменно нахмурился и попытался повторить удар, но духовная энергия канула в небытие, словно камень в воду.

Симптомы нестабильности духовных сил стали еще серьезнее.

Юнь Тин успел подумать лишь об этом, как в ту же секунду его шею захлестнуло мощным рывком. В следующее мгновение его свирепо впечатали спиной в землю, а чья-то крупная рука стремительно сжалась, перекрывая ему хрупкое горло. Мигот ощутив острую нехватку воздуха и удушье, он сильно ударился затылком о камни, чувствуя вспышки дикой боли. Перед глазами у Юнь Тина потемнело — чаша весов резко перевернулась.

В этом тупике стоило допустить хоть малейшую брешь, как проиграешь всю партию без остатка.

Юнь Тин со всего маху грохнулся на землю, и при каждом вздохе в горле отдавалась раздирающая боль. У него мгновенно покраснели глаза, и слезы брызнули сами собой:

— Больно...

Он от рождения панически боялся боли, а его чувствительность к ней в несколько раз превосходила обычную человеческую. То, что обычный человек мог перетерпеть, стиснув зубы, в его теле увеличивалось многократно.

Голосок Юнь Тина был тонким и мягким, словно пробивающийся сквозь почву весенний росток, и одновременно напоминал плачущего от боли котенка, который просит хозяина взять его на ручки. С трудом выдавливая звуки и отчаянно вцепившись в руку на своей шее, он пытался ее оттащить. Горько плача от боли, он урывками предъявлял жалобы:

— Ты... издеваешься надо мной.

Ши Сюньлюй опустил голову.

Опешил.

Плачет... плачет?

Он довел человека до слез?

Ши Сюньлюй лишился дар речи. Опустив взгляд на собственную трехсантиметровую рану на животе, он искренне осведомился:

— Малыш, и кто тут над кем издевается?

Нахмутив брови и не обращая внимания на брыкающегося и отчаянно сопротивляющегося Юнь Тейна, он запустил духовную силу внутрь чужого тела, чтобы проверить обстановку, и через мгновение озадаченно произнес:

— А где твоя духовная энергия?

Юнь Тин обиженно надул губы:

— Я и сам не знаю, она просто пропала.

Ши Сюньлюй: «.....»

И вот честно, секта Юйсянь, ну совсем непрофессионально вы подсылаете людей драться.

Вздохнув, Ши Сюньлюй отпустил Юнь Тейна. Хотя было непонятно, почему у того вдруг полностью пропала духовная сила, сейчас явно не стоило пользоваться чужой беспомощностью.

Бросив на Юнь Тейна небрежный взгляд, он поднялся на ноги, молча подошел к качелям под персиковым деревом и принялся молча обрабатывать рану.

Юнь Тин с трудом поднялся с земли и, словно низкорослая кошка, медленно, переставляя лапки и замирая после каждого шага, поплёлся к Ши Сюньлюю.

Ши Сюньлюй настороженно вскинул голову:

— Ты чего?

Юнь Тин обиженно протянул руку и тихонько захныкал:

— Я поранился...

Должно быть, порезался о меч Ши Сюньлюя, когда они только что дрались.

Глядя на трехсантиметровую царапину на чужой руке, а затем на собственные три сантиметра глубиной на животе, Ши Сюньлюй потерял дар речи и злобно закатил глаза:

— Сам разберись.

— Оу.

Юнь Тин разочарованно опустил голову, скрестил ноги у самых ног Ши Сюньлюя и, поразмыслив пару секунд, внезапно высунул кончик языка и лизнул собственную царапину.

Ши Сюньлюй: «?»

— Ты что творишь? — Ши Сюньлюй резко помрачнел, перехватил его за запястье, а в голосе прорезался гнев, истоки которого он сам до конца не осознавал:

— У тебя что, лекарств нет?

— Нет, — честно признался Юнь Тин. — Я редко получаю ранения.

У него не было ни отца, ни матери. С самого рождения и обретения сознания он только и делал, что совершенствовался, а его культивация далеко превосходила сверстников, так что откуда взяться поводам для ранений?

Уйдя в затворничество, Юнь Тин заметил, что его духовный питомец, убегая гулять, каждый раз зализывал раны именно так, и перенял эту привычку.

Ши Сюньлюй онемел:

— Садись ближе, я помогу.

Все равно сейчас у того нет духовной силы, а разобраться с ним после того, как он сам немного придет в себя — дело пары минут.

Глаза Юнь Тейна мгновенно засияли, и он пересел на другой край качелей.

Ши Сюньлюй высыпал пилюли из мешочка для хранения духовной энергии, растер в порошок и кое-как остановил кровотечение на собственной ране. Другую половину он щедро рассыпал поверх царапины Юнь Тина, после чего привычным движением оторвал кусок от подола собственной одежды, собираясь забинтовать его руку. Но Юнь Тин внезапно отдернул ее назад.

Ши Сюньлюй поднял голову: «?»

— О-она... грязновата.

Юнь Тин брезгливо сморщился и пробормотал:

— Вся в пыли.

Ши Сюньлюй мысленно застонал:

Должно быть, испачкался, пока они тут валялись.

Но сейчас же смертный час, черт побери, кому есть дело до того, чистая у него одежда или нет?!

— Ты что, принцесса?

Он наконец не выдержал и высказался, смиренно сотворив заклинание очищения — от крови и грязи на лоскуте ткани не осталось и следа.

Только после этого Юнь Тин послушно протянул руку, позволяя себя перевязать, и наклонил голову с видом любопытного котенка:

— А кто такая принцесса?

— Вроде тебя, — Ши Сюньлюй злобно зыркнул на него, но руки двигались невероятно нежно: он развязал синюю ленту, скреплявшую его собственные волосы, и аккуратно повязал ее на рану Юнь Тина, тихонько бубня под нос:

— И капризная, и ухода требует непомерного.

— Назову-ка я тебя впредь капризной принцессой.

Ши Сюньлюй бросил это в шутку, но Юнь Тин, к его удивлению, и впрямь опустил голову, всерьез поразмыслив над своим поведением. Посчитав, что Ши Сюньлюй в общем-то прав, он с полным на то правом задрал нос:

— Ну ладно, пусть так.

— Пф.

Ши Сюньлюй прыснул со смеху и потрепал его по макушке:

— Я пошутил.

— Принцессами могут быть только женщины.

Юнь Тин широко распахнул глаза и недоверчиво спросил:

— Почему?

— Потому что...

Ши Сюньлюй долго ломал голову, но так и не смог выдать внятного объяснения, выдав неопределенное:

— Издревле повелось.

— Оу. — Юнь Тин погладил подбородок, вынес окончательный вердикт и с горящим взглядом заявил: — Тогда я буду первой принцессой-мужчиной.

Ши Сюньлюй: «Этого... в общем-то, делать не обязательно».

И правда, сладкая глупышка во всей красе.

Не успели они договорить, как браслет для фиксации духовной энергии на запястье Ши Сюньлюя нехотючи слабо засветился и трижды подряд издал короткий зуммер.

Юнь Тин настороженно наострил уши и осторожно подался вперед, задевая браслет на его руке. Совершенно не подозревая подвоха, он едва не рухнул Ши Сюньлюю на грудь:

— Это еще что?

Ши Сюньлюй инстинктивно обхватил его за талию, не давая свалиться с качелей, и, опустив взгляд, почувствовал, как сердце ухватило холодом:

— Черт, время вышло.

Не успев вдаться в раздумья, он резко схватил Юнь Тина за запястье. Встретившись с его озадаченным взглядом, Ши Сюньлюй словно покрыл глаза ледяной коркой, заставив себя сменить маску, и процедил сквозь зубы:

— Сдаешься ли ты?

— Если не покоришься мне, у меня не останется выбора, кроме как убить тебя.

Юнь Тин, вновь столкнувшийся с угрозой для жизни: *QAQ*

<http://bllate.org/book/19526/1914575>